

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
РОССИЯ

26 МАИ 1987

г. Москва

а. 1174

Эхо премьеры

Душа хотела быть звездой...

Русский романс сопровождает нас, освещая и утро жизни, и наш полдень, и ту пору, когда, как сказал поэт, «бредем мы вдоль большой дороги в тихом свете гаснущего дня». И вновь окрыляется сердце мелодией, и молодеют глаза человека...

Не знаю, как вы, читатель, но я, слыша русский романс, всегда испытываю сходные чувства. Конечно, тут многое зависит от исполнителя, от его мастерства и души — совершится ли подобное чудо с нами? И вроде прост, непритязателен романс, а спросите любого певца, и вам скажут, как трудно дается эта простота. Об этом думалось мне на только что состоявшемся творческом вечере народного артиста РСФСР Леонида Болдина, известного нашего оперного певца, ведущего солиста Московского музыкального академического театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

...Накатывают волны воспоминаний: и встают в памяти и запущенный сад, «и черемух серебряный иней», и голубые цветы, расцветающие в неверных бликах лунного света, и летящий под копытами тройки снег, и снежный саваном укутанная равнина. Все жизненно, прочувствованно и в то же время — призрачно, хрупко, таинственно и единствен-

но-неповторимо в поэтичном мире русского романса.

Певец, выстраивая программу своего концерта, как бы спорит с иными, порой разрушительными, тенденциями в современной музыкальной культуре, которые хотели бы и русский романс отнести раз и навсегда к эпохе ушедшей, к жанру, не способному к дальнейшему развитию, застывшему, рудиментному, почти музейному. Леонид Болдин трактует такие романсы, как широко известный и любимый романс П. Булахова «Не пробуждай воспоминаний» или «У камина», слова и музыка П. Маторина, во всей сложности и трагичности сегодняшнего бытия... Нарастающий трагизм романса «Ямщик, не гони лошадей» Я. Фельдмана певцу, казалось бы, ближе, чем элегическая, прозрачная грусть пишкинского романса «Ночь светла» или акварельность красок «Слушайте, если хотите». Но и тут Л. Болдин неожиданно бросает трагический ответ на концовку последнего романса: «...Боюсь, что невозможно мне эту ночь вернуть!» И сердце наше сжимается от выраженного вокальными средствами глубокого страдания.

Невысказанное чувство, способное в своей очищающей силе или вознести человека к звездам, или в противном слу-

чае низвергнуть его в пучину страстей, проявилось в исполнении романса «Она хохотала» (Г. Липина, слова А. Майкова). И это невольно заставляет вспомнить его исполнение знаменитой партии Тонио в опере «Паяцы» Леонкавалло. Темперамент певца выпуклее, рельефнее проявляется там, где в самом материале есть контрастность, скрытый драматизм. «Элегия» (М. Яковлева на слова А. Дельвига) как раз предоставляет такую возможность. Трагизм заложен уже в самой альтернативе: «Когда, душа, просилась ты погибнуть или любить». Здесь — и накал страстей, и чистота помыслов, и бескомпромиссность выбора.

Успех программного концерта Леонида Болдина, несомненно, связан и с работой дипломанта всесоюзного конкурса талантливого концертмейстера Любови Орфеновой: ее аккомпанемент как бы оттеняет обволакивающую, завораживающую кантилену болдинского баса, взрывную силу его кульминаций («Снился мне сад» В. Борисова, «Только раз» Б. Фомина).

...Слушаешь голос певца, и снова накатывают волны воспоминаний, и в душе твоей вновь расцветают давно отшумевшие, но не забытые, исполненные света чувства.

А. ГВОЗДЕВА.